

В. М. Строгеецкий

ВВЕДЕНИЕ К «ИСТОРИЧЕСКОЙ БИБЛИОТЕКЕ» ДИОДОРА СИЦИЛИЙСКОГО И ЕГО ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ

С ростом интереса к сочинению Диодора, обусловленного важностью и ценностью его информации¹, а также в связи с тенденцией современной исторической науки к исследованию теории и истории возникновения исторической мысли вообще и всеобщей истории как историографического жанра, в частности², все большее внимание исследователей стало привлекать общее Введение к его «Исторической библиотеке».

Попытки обнаружить в труде Диодора следы самостоятельного творчества предприняли еще в конце XIX в. Л. О. Брёкер, М. Эверс и Р. Нойберт³. В конце 80-х годов XIX в. Г. Бузольт в специальной статье «Отношение Диодора к стоицизму»⁴, рассмотрев некоторые положения Введения, увидел в нем отражение стоических и эпикурейских взглядов. В 30—40-х годах XX в. уже появились сочинения, в которых общее Введение к «Исторической библиотеке» и небольшие предисловия к каждой отдельной книге стали предметом специального исследования⁵. Особенно следует отметить диссертацию М. Кунц. Исследуя источники Диодора, а также анализируя содержание его общего Введения к «Исторической библиотеке» и отдельных предисловий к каждой книге с точки зрения формы, стиля, фразеологии и отражения в них соответствующих идей, она пришла к выводу, что общее Введение и большинство отдельных предисловий — плод творчества самого Диодора, который высказал в них мысли, имевшие широкое распространение в эллинистической историографии⁶. Определяя место Диодора в греческой историографии этого времени, Кунц рассматривает его как составителя компилятивной универ-

¹ Сохранившиеся I—V и XI—XX книги, а также большое число фрагментов остальных книг сообщают комплекс сведений из истории, философии, религии и мифологии Греции, Италии, Сицилии и народов Востока, охватывая громадный период — с мифологических времен вплоть до середины I в. до н. э.

² Burde P. Untersuchungen zur antiken Universalgeschichtsschreibung. Inaugural-Dissertation zu Erlangen-Nürnberg. München, 1974. S. 43 ff.

³ Bröker L. O. Untersuchungen über Diodor. Gütersloh, 1879; *idem.* Moderne Quellenforscher und antike Geschichtsschreiber. Innsbruck, 1882, S. 61 ff.; Evers M. Ein Beitrag zur Untersuchung der Quellenbenutzung bei Diodor.— In.: Festschrift zu dem 50. Jährigen Jubiläum der Berliner König. Real-Schule, 1882, S. 243 f.; Neubert R. Spuren selbstständiger Tätigkeit bei Diodor. Progr. Bautzen, 1890.

⁴ Busolt G. Diodors Verhältnis zum Stoicismus.— Jahrbücher für class. Philologie, 1899, XXXIX, S. 297 ff.

⁵ Kunz M. Zur Beurteilung der Prooemien in Diodors Historischen Bibliothek. Diss. Univ. Zürich, 1935; Troilo E. Considerazioni su Diodoro Siculo e la sua storia universale.— In: Atti dell'istituto Veneto di scienze lettere ed arti, Anno Acc., 1940—1941, tomo c, parte seconda, classe di scienze morale e lettere, p. 17 sg.; Farrington B. Diodorus Siculus Universal Historian. Univers. of Wales, 1937.

⁶ Kunz. Op. cit., S. 67 ff.

сальной истории и подчеркивает его тесную связь с Эфором, Полибием и Посидонием ⁷.

Некоторые современные исследователи, такие, например, как Р. Лакер, М. Паван, Р. Дрюс, П. Бурде и др., развивая идеи своих предшественников и прослеживая связь между общим Введением и всей работой в целом, стремятся выяснить сущность исторической концепции, отразившейся в «Исторической библиотеке» Диодора. Считая его одним из составителей универсальной истории в древности и определяя его место среди писателей, создавших подобного рода сочинения, эти исследователи полагают, что его труд продолжает традиции Эфора, Полибия и Посидония и является историей космополиса ⁸. Другие ученые, рассматривая сочинение Диодора с этих же позиций, оценивают его наравне с «Всеобщей историей» Полибия как важнейший источник для изучения греческой эллинистической прозы и пытаются проследить в нем отражение позднееллинистических представлений о происхождении мира, культуры и богов ⁹.

Наряду с этим в исторической литературе имеет широкое распространение и другая точка зрения, согласно которой Диодор был не более чем компилятором, механически переписывавшим сочинения других писателей, иногда частично сокращая изложение, но чаще описывая дословно, даже наивно повторяя некоторые замечания авторов ¹⁰. Что же касается мыслей, высказанных во Введении, то эти исследователи полагают, что они полностью заимствованы им из сочинения какого-то одного автора, и называют Эфора или Посидония.

В советской исторической науке Введение к «Исторической библиотеке» Диодора стало предметом специального исследования М. К. Трофимовой ¹¹ в связи с ее анализом «Утопии Ямбула». Правда, она исследовала не все Введение, а только первые четыре главы, но тем не менее убедительно показала его цельность и внутреннюю связь. Сравнивая мысли, высказанные Диодором в первых главах Введения, с его описанием Счастливого острова (II, 55—60), М. К. Трофимова делает два важных для оценки Диодора как историка выводы. Во-первых, мысли, высказанные им во Введении, не являются изолированными, не связанными с остальными частями его труда, как часто еще и сейчас утверждают многие ученые; напротив, Диодор возвращается к ним на протяжении всего сочинения. Во-вторых, несомненно, в основе рассуждений Диодора о значении всеобщих историй и роли историков лежит стоическая концепция «общего закона» и божественного провидения, хотя рассмотрение остальных глав Введения показывает, что Диодора нельзя назвать последовательным стоиком.

Таким образом, по поводу «Исторической библиотеки» и Введения к ней высказываются самые противоположные точки зрения. Наша задача заключается в том, чтобы проанализировать содержание Введения и по возможности выяснить место его основных положений в системе греко-римских историко-философских представлений.

⁷ Ibid., S. 20 ff.

⁸ Laqueur R. Diodorea.— Hermes, 1958, B. 86, H. 3, S. 257—290; Pavan M. La teoresi storica di Diodoro Siculi.— RAL, 1961, ser. VIII, v. XVI, fasc. 1—2, p. 19—52, 117—151; Drews R. Diodorus and his Sources.— AJPh, 1962, v. 83, 4, p. 383 ff.; Burde. Op. cit., S. 43 ff.

⁹ Palm J. Über Sprache und Stiel des Diodoros von Sizilien. Ein Beitrag zur Beleuchtung der hellenistischen Prosa. Lund, 1955; Spoerri W. Späthellenistische Berichte über Welt, Kultur und Götter. Basel, 1959; Cole Th. Democritus and the Sources of Greek Anthropology. Western Reserve Univ., 1967; Müller R. Die epikureische Gesellschaftstheorie. B., 1974, S. 55 ff.

¹⁰ Wachsmuth C. Über das Geschichtswerke des Sikelioten Diodoros. B. I—II. Lpz, 1892; idem. Einleitung in das Studium der alten Geschichte. Lpz, 1895, S. 81 ff.; Schwartz Ed. Diodoros.— RE, 1903, V, Sp. 663 ff.; Hammond N. G. L. The Sources of Diodorus Siculus XVI.— ClQ, 1937, v. 31, p. 79—91; Westlake H. D. The Sicilian Books of Theopompus Philippica.— Historia, 1954, B. I, p. 300 ff.

¹¹ Трофимова М. К. К пониманию «Утопии Ямбула» у Диодора Сицилийского.— В кн.: История социалистических учений. Сб. ст. М., 1982, с. 236—251.

Содержание Введения делится на три части. В первых трех главах отразились космополитические идеи, начавшие складываться еще в Греции в IV в. до н. э. и окончательно утвердившиеся на римской почве в период Поздней республики. Кроме того, в этих главах Диодор высказывается о значении универсальной истории и пользе исторических сочинений, а также пытается критически оценить существующую литературу. В IV и V главах Диодор характеризует структуру своего сочинения, дает периодизацию и хронологию. Наконец, третья часть Введения (гл. VI—VIII) отражает его представления о происхождении Вселенной, животного и растительного мира, о возникновении человека и его первобытном состоянии, о развитии человеческой культуры.

Уже в самом начале Введения Диодор указывает на большое значение универсальных историй (*κοινὰ ἱστορία*) и воздает хвалу их составителям за то, что они своими трудами стремятся оказать помощь всему человеческому обществу (*ὠφελεῖσαι τὸν κοινὸν βίον*). Таким образом, представление Диодора об универсальной истории основывается на стоическом постулате *κοινὸς βίος*. Он подчеркивает, что благодаря историческим сочинениям, которые доставляют знания об успехах и неудачах, из каждого индивидуального опыта складывается общечеловеческий опыт. Однако поскольку у Диодора каждый индивидуальный опыт есть проявление *ἀνθρώπων συγγένεια* (I, 3), то создание единого общечеловеческого опыта понимается им не только как механическое соединение отдельных индивидуальных опытов. В его представлении универсальность человеческой истории обусловлена внутренним тождеством каждого человеческого опыта и является также моментом космической гармонии, в которой обнаруживается действие божественного провидения (*θεῖα πρόνοια*)¹².

Итак, суждения Диодора о мировом государстве, его сравнение труда историков с деяниями божественного провидения и прославление универсальной истории указывают, несомненно, на влияние на Диодора стоических космополитических представлений¹³, почерпнутых, возможно, из сочинений Полибия и Посидония. Так, например, Полибий, говоря о преимуществах всеобщей истории, отмечал, что «...история по частям дает лишь очень немного для точного уяснения целого; достигнуть же этого можно только посредством соединения и сопоставления всех частей, как сходных, так и различных между собой; только таким образом можно постигнуть целое и, воспользовавшись уроками истории, насладиться ею» (Pol., I, 4, 10—11; ср. Diod., I, 3, 8). Вместе с тем в представлениях Полибия универсальная история не была механическим соединением отдельных частных историй, поэтому он подчеркивал, что целое всегда больше, чем сумма частей¹⁴. Подобно Полибию Посидоний полагал, что история должна быть универсальной. Правда, он рассматривал изучение человеческих дел как часть постижения универсального космического процесса. В связи с этим Посидоний считал, что история должна быть служанкой божественного провидения¹⁵.

В связи с широким распространением начиная с IV в. до н. э. нравственно-этических идей укрепился прагматический подход к истории, на которую стали смотреть как на сокровищницу примеров, иллюстрирующих

¹² Diod., I, 1, 3. Об учении стоиков о божественном провидении см. *Diog. Laert.*, VII, 52, 133, 138, 149; ср. *Spoerri*. Op. cit., S. 104, Anm. 7; S. 140, Anm. 27; S. 149; *Baldry H. C.* The Unity of Mankind in Greek Thought. Cambr., 1965, p. 187 f.; *Burde*. Op. cit., S. 35, Anm. 244.

¹³ *Baldry*. Op. cit., p. 71 ff.; *Breebaart A. B.* Weltgeschichte als Thema der antiken Geschichtsschreibung.— AHN, 1966, v. 1, S. 1—21, besond. 8; *Burton A.* Diodorus Siculus. Book I. A Commentary. Leiden, 1972, p. 35 f.; *Burde*. Op. cit., S. 35 ff., 43 ff.

¹⁴ *Polyb.*, I, 4, 6 sq.; ср. *Burde*. Op. cit., S. 25 ff. Характеристику стоического учения о целом и части см. у Секста Эмпирика (*Adv. phys.* I, 332 sqq.).

¹⁵ *Pohlenz M.* Die Stoa. Geschichte einer geistigen Bewegung. B. I. Göttingen, 1964, S. 233; *Burde*. Op. cit., S. 35, Anm. 245; *Baldry*. Op. cit., p. 178; *Nock A. D.* Poseidonius.— JRS, 1959, v. 49, p. 1—15; *Burton*. Op. cit., p. 36.

добродетели и пороки. Рассуждения о пользе исторических сочинений нашли отражение и у Диодора, который неоднократно утверждал, что приобретение знаний посредством истории есть величайшая польза для людей на все случаи жизни (I, 1, 4—5). Впервые полезность истории была отмечена Фукидидом, который говорил (I, 22, 3), что его «...изложение, чуждое басен, может показаться менее приятным для слуха, однако его сочтут достаточно полезным (φελέριμα) все те, кто пожелает иметь ясное представление о минувшем». Суждения Фукидида и Диодора о полезности истории существенным образом различаются между собой. У Диодора представление о пользе истории не выходит за рамки морализирования. Высшее назначение историка, по его мнению, быть учителем, потому что «...история — как бы метрополией всей философии, способна воспитывать у людей безукоризненную честность» (I, 2, 2). Подобного рода идеи мы встречаем и у Полибия (I, 1 sq.; VI, 1 sq.). Однако и его представления о пользе исторических сочинений очень отличаются от того, что говорится у Диодора. По мнению Полибия, полезность всеобщей истории прежде всего заключается в том, что она позволяет понять общий и закономерный ход событий и зависимость одного события от другого (Pol., III, 32; VIII, 4, 2). Для Полибия историк был одновременно и политическим наставником, который мог влиять на общественное мнение, Диодор же воспринимает историка только как наставника нравственности.

Рассуждения Диодора о полезности истории более всего перекликаются с соответствующими идеями Исократ, рассматривавшего историю как общее для всех наследство, которым можно воспользоваться в нужный момент, и видевшего в ней сокровищницу примеров, иллюстрирующих благородные и порочные поступки (Paneg. 9; ср. Diod., I, 3, 5, 7—8). Подчинение историографии задачам этики было следствием широкого взаимодействия риторики и истории. Образец этого взаимодействия продемонстрировал Исократ, рассматривавший речи как средство упражнения моральных качеств личности. Он широко пользовался панегириками и моральными проповедями, сопровождая их возвышенными рассуждениями, наполненными либо романтическим восхищением (ἐγκωμιον), либо патетическим недовольством (φύρος) в отношении событий и деяний как прошлого, так и настоящего. Эти ἐγκώμια и φύροι, переключаясь в сочинения историков, стали впоследствии важнейшей особенностью эллинистической историографии¹⁶. Уже в речи «Против софистов» Исократ указывал на важнейшую воспитательную функцию искусства красноречия. Однако наиболее ярко эта мысль отразилась в речи «Никокл», где Исократ дал прекрасный образец энкомия в честь ораторского слова (Nic. 5—9)¹⁷. В этом же духе и с помощью тех же выражений восхваляет слово и Диодор (I, 2, 5—6). Непосредственно с этим энкомием связано также прославление Диодором искусства чтения и письма (XII, 13, 1—3).

Проблема соотношения истории и риторики, впервые поставленная Исократом, впоследствии оказалась не менее актуальной и для Рима, где она детально исследовалась Цицероном. Отмечая, что занятия историей — труд, наиболее подходящий для оратора, Цицерон пытался доказать, что история развивалась и совершенствовалась в зависимости от развития рито-

¹⁶ Г. Л. Барбер (*Barber G. L. The Historian Ephorus. Cambr., 1935, p. 75*) совершенно не прав, утверждая, что влияние идей Исократ было ограничено кругом его учеников. См., напротив, *Mühl M. Die politischen Ideen des Isocrates und die Geschichtsschreibung. Würzburg, 1918; Welles C. B. Isocrates' View of History. — In: The classical Tradition Studies in Honor of Harry Caplan. Ithaca, N. Y., 1966, p. 3—25; Зельин К. К.* Из области греческой историографии IV в. до н. э. — ВДИ, 1960, № 1, с. 84 сл.; *Исаева В. И.* О некоторых направлениях в изучении речей Исократ. — ВДИ, 1974, № 4, с. 45 сл.; она же. Особенности политической публицистики Исократ. — ВДИ, 1978, № 2, с. 72.

¹⁷ См. *Миллер Т. А.* К истории литературной критики в классической Греции V—IV вв. до н. э. Сократ. — В кн.: Древнегреческая литературная критика. М., 1975, с. 56 сл.

рики¹⁸. В трактате «Об ораторе» (II, 36) он приводит краткий, но выразительный панегирик истории, говоря что она — «...поистине свидетельница времени, свет истины, жизнь памяти, наставница жизни, вестница прошлого». Сравнивая историю с другими жанрами, Цицерон отмечает, что ее никоим образом нельзя сближать с поэзией, поскольку главная задача поэзии — доставлять людям удовольствие, историческое же повествование должно быть направлено на то, чтобы сообщать им правду и быть кладезем мудрости, достоинства, образцов для подражания (De leg. I, 5; Orat. 120)¹⁹. С этими мыслями Цицерона перекликаются также некоторые суждения Диодора, в которых он прославляет историю и выделяет ее среди других жанров (I, 2, 2; 7—8).

Итак, рассмотренный нами материал первых двух глав Введения свидетельствует о том, что Диодор как представитель эллинистической историографии находился под большим влиянием риторики и моралистической философии.

Из содержания III главы видно, что Диодор, приступая к написанию своего сочинения, отдавал себе отчет в том, что существует бесчисленное множество исторических трудов, составленных писателями, жившими до него. Стремясь найти свое место среди этого безбрежного моря литературы, Диодор дает ей критическую оценку (I, 3, 1)²⁰. Правда, рассуждения его показывают, что критика его примитивна и поверхностна. Главным недостатком предшествующей литературы, по мнению Диодора, было то, что большинство писателей описывали ограниченные войны, которые велись одним народом или одним государством, в то время как историки должны излагать события всего обитаемого мира как бы одного государства, и их сочинения должны быть единым рассказом и общим суждением обо всем свершившемся (I, 1, 3). Это замечание Диодора не идет дальше соответствующих высказываний Полибия (I, 4, 2—11). К числу других недостатков Диодор относит отказ от рассмотрения древней мифологии и деяний варварских народов, ограничение исторического повествования временем Филиппа, Александра, в крайнем случае диадохов или эпигонов, в результате чего многие значительные события, случившиеся после этого, оказались забытыми (I, 3, 2—3). Таким образом, Диодор никого из своих предшественников не считал универсальным историком в его собственном понимании этого слова. Хотя Диодор не называет имен писателей, тем не менее можно с уверенностью сказать, что его критика касается Геродота, Тимея, Эфора и, может быть, Полибия и Посидония. Геродот писал об истории греков и варваров, но, как известно, ограниченной рамками определенного периода. Тимей писал только об истории греческого мира с древнейших времен до I Пунической войны. По адресу Тимея и других писателей Диодор высказывает конкретные критические замечания в XIII книге своего сочинения, по-видимому, следуя за Полибием, который критике Тимея посвятил всю XII книгу своей «Всеобщей истории».

Претендуя на объективность своего изложения и противопоставляя свое сочинение сочинениям Тимея и других писателей, Диодор высказывает пожелание, чтобы «...историки в случае некоторых ошибок, проистекающих из-за незнания, получали оправдание, поскольку они — люди и в событиях прошлого обычно с трудом отыскивают истину. Напротив, тех, которые по собственному желанию не хотят добиваться точности, нужно подвергать обвинению, особенно когда они, лстя одним или проявляя острую враждебность к другим, отклоняются от истины» (XIII, 90, 6—7). И в этом случае Диодор буквально повторяет Полибия, который, критикуя Тимея, писал: «К писателям, заблуждающимся по неведению, надлежит относиться снисходительно, а неправду умышленную изобличать беспощадно» (Pol., XII, 12, 5).

¹⁸ См. Утченко С. Л. Политические учения древнего Рима. М., 1977, с. 109 сл.

¹⁹ Ср. там же, с. 110.

²⁰ См. Burton. Op. cit., p. 37.

Когда Диодор говорит, что некоторые историки отвергли древние мифы из-за трудности их обработки, он имеет в виду прежде всего Эфора, который, как известно, в своей истории игнорировал мифологический период²¹. В этом же смысле, как нам представляется, можно говорить также о различии между Диодором и Полибием. Последний во вступлении к IX книге своей «Всеобщей истории» высказывается против таких исторических сочинений, которые наполнены мифами и историческими курьезами. История, по его мнению, должна быть историей политической реальности, т. е. деяний, иначе она не имеет силы. Диодор же, наоборот, говоря о слабости человеческой природы, подчеркивает значение индивидуального утверждения как средства преодоления этой всеобщей слабости (I, 2, 3—4), вследствие чего история у Диодора, обнаруживающая свой смысл в героизации отдельных личностей, не может исключить миф, ибо, по его мнению, в каждом, даже гиперболическом, действии осуществляется полнота исторического опыта. Таким образом, миф у Диодора рассматривается как отражение человеческого опыта, сохранившегося в памяти в качестве пережитка, и ценность его в том, что он подчеркивает для потомков значение индивидуальной доблести. Именно поэтому Диодор включает миф в историю и использует его в утилитарно-поучительных целях. В этом, несомненно, можно видеть влияние эвгемеровской традиции²². К этому можно также добавить, что Диодор, переходя к изложению мифов в предисловии к IV книге, выражает сожаление, что мифологическая история еще не заняла подобающего места в историографии (IV, 1, 1).

Среди недостатков, присущих существующей литературе, Диодор называет также пренебрежение к точной хронологии событий, подчеркивая, что «...событие, точно датированное во времени, более полезно, чем то, которое неизвестно когда произошло» (I, 3, 8). Это суждение Диодора, по-видимому, свидетельствует о том, что современного ему читателя интересовали не только события прошлого, но и точная их датировка. Однако интерес читателя неизбежно наталкивался на препятствие, которое, согласно Диодору, заключалось в том, что даты отдельных событий и описание самих событий были разбросаны по многим сочинениям различных авторов, вследствие чего возникали трудности их усвоения и запоминания (I, 3, 4).

Это замечание Диодора можно объяснить следующим образом. До III в. до н. э. не существовало единых хронологических систем, посредством которых можно было бы синхронизировать события, совершившиеся в различных районах мира, и точно их датировать. Поэтому в сочинениях историков от Геродота до Полибия фактически отсутствует абсолютная хронология. Только с III в. до н. э. благодаря исследованиям александрийских ученых стали появляться хронологические таблицы, авторы которых стремились разработать универсальную хронологическую систему, с помощью которой датировали различные события, свершившиеся в мире, синхронизируя их между собой²³. Среди историков одними из первых Тимей и Полибий пытались применить универсальную хронологическую систему, основанную на счете по олимпиадам²⁴. Однако, как показывает труд Полибия, он нередко отказывался от этой системы по причине трудности ее соблюдения²⁵. Таким образом, оказывалось, что историки излагали события без достаточно последовательного использования абсолютной хронологии; более или менее точные датировки этих событий предла-

²¹ *Schwartz Ed. Ephoros* (1).— RE, 1909, VI, Sp. 1 ff.; *Barber. Op. cit.*, p. 144 f.; *Connor W. R. Studies in Ephorus. Diss. Princeton, 1964; Burton. Op. cit.*, p. 38.

²² Об учении Эвгемера см. *Sext. Empir.*, Adv. phys. I, 17. О влиянии на Диодора эвгемеровской традиции см. *Spoerri. Op. cit.*, S. 190 ff.; *Cole. Op. cit.*, p. 48 ff.; ср. *Burton. Op. cit.*, p. 70 f.

²³ *Perl G. Kritische Untersuchungen zu Diodors römischen Jahreszählung. B.*, 1957; *Burde. Op. cit.*, S. 99 ff.

²⁴ *Polyb.*, XII, 11, 1; XXXIX, 8, 6; ср. V, 31, 3—5. К этому см. *Pédech O. La méthode historique de Polybe. P.*, 1964, p. 433 suiv.; *Burde. Op. cit.*, p. 103 ff.

²⁵ *Polyb.*, XIV, 12, 1; XV, 24a; XXVIII, 16, 10; XXXII, 11, 3 sq.

гались в различных хронологических таблицах, хрониках и хронографах, в большом числе появившихся в III—I вв. до н. э.²⁶. Поэтому возникла настоятельная необходимость, как говорит Диодор, привязать соответствующие даты к отдельным событиям (I, 3, 2). По крайней мере современник Диодора Дионисий Галикарнасский в сочинении «О Фукидиде» считал одним из недостатков историка его изложение событий по летним и зимним кампаниям и полагал, что лучше было бы распределять события во времени по царям, жрецам, олимпиадам и архонтам²⁷.

Завершая анализ содержания III главы Введения, следует отметить, что, хотя приемы критики Диодора примитивны и он в ней далеко уступает Фукидиду и Полибию, тем не менее его рассуждения свидетельствуют о том, что Диодор был достаточно хорошо знаком с существующей литературой, подошел к ней целенаправленно и, отметив некоторые присущие ей недостатки, во всяком случае пытался избежать их при составлении своей «Исторической библиотеки» и удовлетворить запросы читателя. Поэтому он стремился изложить сохранившиеся в памяти людей события всего мира как бы одного государства, начиная с древности и вплоть до его собственного времени (Diod., I, 3, 6).

Рассмотрим теперь вторую часть Введения, т. е. содержание IV и V глав. В самом начале IV главы Диодор указывает на важность для историка географических знаний (I, 4, 1), следуя в этом суждении за Полибием и другими историками. Интерес к географии в Элладе имел глубокие корни. Они восходят еще к VI в. до н. э., к трудам Анаксимандра и Гекатея, выдающимися последователями которых были философ Демокрит, астроном Эвдокс, перипатетик Дикеарх и др. Однако качественно новое отношение к географии наметилось уже после походов Александра Македонского и его полководцев, когда значительно расширилась область знаний об обитаемой земле. В III в. до н. э. с именем Эратосфена связан переход к изложению научных основ географии. Он внес в географию важнейшие положения математики и физики. История с самого начала своего возникновения включала в себя изучение не только деятельности человеческих коллективов, но и исследование той природной среды, в которой она протекала. Уже у логографов, в частности у Гекатея, а затем у Геродота и Фукидида история неотделима от географии. Однако в сочинениях эллинистических историков география занимает гораздо большее место, чем у их предшественников. Так, например, Полибий одним из первых попытался обосновать необходимость для историка географических знаний. В противном случае, считал он, писатель, пользующийся только книжными знаниями и не знающий местностей, где происходили события, обречен на грубые ошибки (XII, 28а, 2—10). Подобно Полибию и Посидоний был в равной степени знаменит как историк и как географ. Неслучайно столь значительное внимание географическим штудиям того и другого уделяет Страбон.

Сочинение Диодора, как это неоднократно отмечали исследователи, дает мало доказательств того, что историк действительно побывал во многих районах Азии и Европы. С полной уверенностью можно лишь сказать, что, помимо Сицилии и Италии, он посетил Египет и жил какое-то время в Бубасте и Александрии (Diod., I, 22, 2; 44, 1; 83, 8)²⁸. Нет оснований сомневаться в том, что Диодор бывал в Риме, поскольку он сообщает, что в Риме был достаточный запас материалов, имеющих отношение к его сочинению, и о том, что он там долго жил и получил точные сведения, почерпнутые из документов, которые у римлян сохранялись в течение длительного времени.

²⁶ *Jacoby F. Apollodors Chronik. Eine Sammlung der Fragmente.*— *Philologische Untersuchungen*, 1902, 16; *Perl. Op. cit.*, S. 144 f.; *Burde. Op. cit.*, S. 100f.

²⁷ *Dion. Hal.*, *Περὶ Ἱστορίας*, 9, 826; ср. *Соболевский С. И.* Дионисий Галикарнасский.— В кн.: *История греческой литературы*. Т. III. М., 1960, с. 156 сл.

²⁸ См. *Burton. Op. cit.*, p. 39.

Далее Диодор характеризует план своего сочинения. Следует отметить, что вопросу о правильном расположении материала стали уделять особенно большое внимание в эллинистической историографии, в частности, в тех случаях, когда речь шла о создании всеобщей истории. Так, например, на это неоднократно указывал Полибий, отмечая, что историк должен поступать со своим материалом так же, как командующий с войсками, и оба должны руководствоваться в своих действиях твердым планом (V, 31, 7; XII, 28, 10; XV, 34, 3; XVI, 17, 9; XXIX, 12, 10; XXXVIII, 6, 3; XXXIX, 1, 4). Дионисий Галикарнасский в уже упоминаемом сочинении «О Фукидиде» также указывал на необходимость правильного выбора событий для начала и конца истории (10—12)²⁹. Таким образом, забота Диодора о плане своего сочинения вполне согласуется с теми тенденциями, которые сложились в эллинистической историографии. Вместе с тем необходимо сказать, что план Диодора можно рассматривать и как своеобразную периодизацию всемирной истории. Он выделяет четыре периода: 1) происхождение мира; 2) события и легенды до Троянской войны; 3) события от Троянской войны до смерти Александра; 4) события от смерти Александра до начала войны между римлянами и кельтами, во время которой Юлий Цезарь распространил господство Рима вплоть до Британских островов. Как показывает содержание книг «Исторической библиотеки», Диодор каждый из исторических периодов членил на более мелкие подпериоды, используя в качестве критерия деятельность выдающихся личностей и важность исторических событий. Так, например, термин «Пелопоннесская война» впервые встречается у Диодора (XIII, 24, 2)³⁰. Он же выделяет и целый ряд других важных периодов греко-римской и варварской истории.

Как уже отмечалось, Диодор в соответствии с господствовавшей в его время тенденцией значительное внимание уделял хронологии. Всю V главу Введения он посвятил этому вопросу. Но в его хронологических подсчетах обнаруживается противоречие. В конце IV главы Введения Диодор указывает, что он доводит свое сочинение вплоть до начала войны между римлянами и кельтами, первые события которой закончились первым годом 180-й олимпиады, в архонтство в Афинах Герода, т. е. в 60/59 г. до н. э. (I, 4, 7). В начале V главы Диодор отмечает, что для событий перед Троянской войной он не пытался установить точные даты, так как не располагал никакой достоверной хронологической таблицей. Для последующего периода он за основу берет дату Троянской войны (1184 г. до н. э.), которая, как известно, была впервые установлена Эратосфеном. Эту дату Диодор, как он сам говорит, нашел у Аполлодора из Афин. В соответствии с Аполлодором он также устанавливает, что со времени Троянской войны до возвращения Гераклидов (1104 г.) прошло 80 лет. Затем он отмечает, что от этого времени (1104 г.) до первой олимпиады (776/5 г.) прошло 328 лет, а от первой олимпиады до начала кельтской войны — 730 лет. В этих числах нет никакой ошибки, так как Диодор, давая их общую сумму, указывает, что все его сочинение, состоящее из 40 книг, охватывает период, равный 1138 годам, помимо того времени, в течение которого имели место события перед Троянской войной. Однако если считать, как говорит Диодор, что от первой олимпиады до начала кельтской войны прошло 730 лет, то начало этой войны должно приходиться на 46/45 г. до н. э., т. е. на 15 лет позже той даты окончания его истории, которую он назвал в IV главе Введения. Начиная с Эд. Шварца,

²⁹ См. также Дионисий Галикарнасский. Письмо к Помпею, 768—769.— В кн. Античные риторики. М., 1978, с. 227.

³⁰ А. В. Гомм (Gomme A. W. Commentary on Thucydides. V. II. Oxf. 1956, p. 1) просмотрел это место у Диодора, приписывая употребление этого термина впервые Страбону. До I в. до н. э. термин «Пелопоннесская война» не употреблялся. Эфор, описывая первые 10 лет войны, называет ее Архидамовой войной (см. *Нарпрос.*, s. v. Αρχιδάμειος πόλεμος).

ученые предлагали самые различные объяснения происхождения этой ошибки³¹. Тем не менее можно сказать, что мотивы Диодора, которыми он руководствовался, завершая свою историю 60/59, а не 46/45 г., сегодня едва ли можно определить с полной уверенностью. Без сомнения можно лишь утверждать, что Диодор при окончательном просмотре всего своего сочинения не заметил хронологической ошибки в своих подсчетах.

Перейдем теперь к анализу третьей части Введения (VI—VIII главы), посвященной вопросам космогонии, зоогонии, антропогонии и истории культуры. В VI главе Введения Диодор указывает на две проблемы, о которых он собирается повествовать, — это *theologumena* и антропогония. Касаясь первой проблемы, он замечает (I, 6, 1), что о ней будет говорить кратко, объясняя это тем, что мысли о происхождении богов и поклонении им, а также мифологические рассказы о них настолько обширны и многочисленны, что потребовалось бы слишком много времени, чтобы все это изложить. Относительно второй проблемы — о происхождении всех людей и событий, совершившихся в известных частях обитаемого мира, — Диодор обещает рассказать, начиная с древнейших времен, «в точности», «насколько это возможно по причине древности» (I, 6, 2). Поскольку Диодор стремился написать универсальную историю, следует отметить, что, хотя он критиковал предшественников за пренебрежение мифами, тем не менее текст начала VI главы свидетельствует о том, что сам он считал более важными не мифологические, но исторические события и деяния людей.

Некоторые современные ученые, следуя за Рейнхардтом, рассмотрев эти пассажи, делают вывод о необходимости исправления композиции первой книги «Исторической библиотеки» Диодора. Так, например, Т. Коль³² считает, что первые два параграфа VI главы изъяты Диодором из более позднего контекста и помещены в начале сочинения. По его мнению, рассуждение Диодора о богах (I, 6, 1) тесно связано с его египетской теологией (I, 10), а его высказывание о происхождении человека (I, 6, 2) находится в прямой связи с IX главой первой книги, где он указывает на споры о том, какие люди были первыми (I, 9, 3)³³.

Мы не видим основания для такой радикальной ломки структуры первой книги «Исторической библиотеки». Во-первых, сходство некоторых положений Введения с дальнейшим контекстом — явление вполне обычное и объясняется тем, что во Введении автор формулирует те проблемы, о которых собирается рассказывать в последующих главах. Во-вторых, Т. Коль неправ, усматривая сходство между I, 6, 2 и I, 9, 3. В первом случае Диодор говорит о происхождении человеческого общества вообще в связи с происхождением всего мироздания, во втором — приводит споры о том, какой род людей был первым. Связывая происхождение людей с возникновением всего мироздания, Диодор указывает на два мнения знаменитейших натурфилософов и историков. Одни из них, говорит он (I, 6, 3), утверждая, что мироздание не возникает и не уничтожается, полагали, что род людей существовал извечно. Другие, считая, что мироздание имеет начало и конец, говорили, что подобно этому и люди имели первоначальное происхождение. Т. Коль не придает особого смысла этому замечанию Диодора, считая его ничего не значащей простой вставкой, которая должна была заполнить брешь между двумя несвязными темами, а именно: историей отдельных человеческих групп и характеристикой самопроизвольного развития жизни в период возникновения космоса. Автор полагает, что ни одна из этих концепций не получила у Диодора какого-либо дальнейшего развития³⁴. Это не совсем так.

³¹ *Schwartz*. *Diodoros*, Sp. 665; *Oldfather C. H.* Introduction.— In: *Diodorus of Sicily with an English Transl.* V. I. L., 1946, p. XIX; *Laqueur*. Op. cit., S. 285 ff.; *Burton*. Op. cit., p. 40—41; *Burde*. Op. cit., S. 90 ff.

³² *Reinhardt K.* *Hekataios von Abdera und Demokrit*.— *Hermes*, 1912, XLVII, S. 492—513; *Cole*. Op. cit., p. 177 ff.

³³ *Cole*. Op. cit., p. 179.

³⁴ *Ibid.*, p. 177.

Первая точка зрения о том, что мир, включающий землю и человечество, был вечным, получила распространение со времени Аристотеля и перипатетиков³⁵. Стоики, начиная с Зенона, утверждали, что мир и человек имеют начало во времени³⁶. Сообщение Диодора об этих мнениях вовсе не является отражением древних споров. В его время и позже они были не менее актуальны³⁷.

Как показывает содержание VII и VIII глав Введения, Диодор принимает вторую точку зрения. Однако из этого вовсе не следует, что он в точности воспроизводит стоическую теорию. В VII главе рассматриваются космогония и зоогония, а в VIII — антропогония, происхождение языков и человеческой культуры. Т. Коль считает, что Диодор, желая заполнить брешь между высокопарной риторикой Вступления и совокупностью последующих эксперптов, извлек часть материала из «Египтики» (I, 10—98) и включил его в упомянутые VII и VIII главы. Поэтому, следуя К. Рейнхардту и уточняя его выводы, Т. Коль предлагает совершенно новую структуру первой книги «Исторической библиотеки», отмечая, что VII глава является частью X, где говорится о египетской космогонии и зоогонии, первые четыре параграфа VIII главы он рассматривает как составные части XXXVIII главы, рассказывающие о первобытной жизни египтян, куда он включает также второй параграф IX главы. Следующие пять параграфов VIII главы он связывает с XIII—XXIX главами, повествующими о культуре и божественных первооткрывателях³⁸. Таким образом, Т. Коль пытается восстановить текст основного источника Диодора для большей части его первой книги. Хотя и с некоторыми оговорками, он, так же как и К. Рейнхардт, склоняется к тому, что это скорее всего был Гекатей из Абдер³⁹.

Однако многие современные исследователи, начиная с Эд. Шварца, считают, что Диодор при составлении первой книги «Исторической библиотеки» использовал не только труд Гекатея, но и целый ряд сочинений других авторов⁴⁰. Что касается VII и VIII глав первой книги, то уже Эд. Шварц отметил, что они являются «продуктом общего образования». По его мнению, в рассуждениях Диодора заметно влияние философии младших досократиков, однако определенного связного воззрения о последовательном изменении космоса у него не обнаруживается⁴¹. Эти идеи развил и уточнил В. Шперри, опровергая известное положение Рейнхардта о том, что содержание VII и VIII глав через Гекатея восходит к Демокриту. Шперри показал, что, хотя существует поверхностное сходство между мнением Диодора и другими философскими концепциями, тем не менее мы не располагаем какими-либо вескими аргументами, позволяющими приписать все рассуждения Диодора какой-либо определенной философской школе⁴². Обнаружив существенные черты сходства в космогонии

³⁵ *Arist.* *Metaphys.*, passim, особ. XI, 1072, a, 20—25; 1075, b, 33; *De Caelo*, I, 279, b, 18 sqq.; 280, b, 26. Об учении Аристотеля о вечности Вселенной и человечества см. *Асмус В. Ф.* *Античная философия*. Изд. 2-е. М., 1976, с. 284; *Рожанский И. Д.* *Развитие естествознания в эпоху античности*. М., 1979, с. 396 сл.; *Чанышев А. Н.* *Курс лекций по древней философии*. М., 1981, с. 311 сл.; *Lovejoy A. O.*, *Boos G.* *Primitivism and Related Ideas in Antiquity*. Baltimore, 1935, ch. 6; *Guthrie W. K. C.* *In the Beginning. Some Greek Views on the Origins of Life and the Early State of Man*. L., 1957, p. 65 ff. Это учение Аристотеля и ранних перипатетиков защищает Теофраст в полемике с Зеноном. Аргументы, использованные Теофрастом, привел Филон Александрийский в сочинении *Aetern. Mundi*, 23—27. См. *Oldfather C. H.* *A Commentary on Diod. I*, 6.— In: *Diodorus of Sicily with English Transl. by C. H. Oldfather*. V. I. Harvard, 1946, p. 25.

³⁶ *Diog. Laert.*, VII, 132 sqq.; *Stoic. vet. frag.* II, 173, 2; 179, 5 sqq., 181, 5—6. См. *Spoerri*. *Op. cit.*, S. 206, Anm. 3; *Асмус*. *Ук. соч.*, с. 452 сл.

³⁷ См. *Diog. Laert.*, VII, 133. О дискуссиях на эту тему в позднеэллинистическое время см. *Spoerri*. *Op. cit.*, S. 1 ff.; *Cole*. *Op. cit.*, p. 15 ff.

³⁸ *Cole*. *Op. cit.*, p. 177.

³⁹ *Ibid.*, p. 11 f., 177 ff.

⁴⁰ *Schwartz*. *Diodoros*, Sp. 669.

⁴¹ *Ibid.*, Sp. 670.

⁴² *Spoerri*. *Op. cit.*, S. VII f., 160 ff.

и зоогонии Диодора и Овидия (в «Метаморфозах») и считая, что отношение к философским системам у того и другого приблизительно одинаковое (т. е. они не ставили перед собой цель воспроизвести в точности ту или иную философскую теорию, но хотели лишь высказать общий взгляд на предмет), он пришел к выводу, что оба автора отразили в своих сочинениях воззрения своего века⁴³. Вместе с тем В. Шперри подчеркивает, что в VII и VIII главах рассматривается вопрос о том, как вообще возникла жизнь на земле и каков был ее первоначальный характер. Этим содержание указанных глав отличается от остальных глав первой книги, где рассматривается вопрос, почему именно Египет и стал родиной человечества⁴⁴.

Анализ содержания VII главы позволяет согласиться с мнением критиков теории К. Рейнхардта, утверждавших, что космогония и зоогония Диодора не восходят непосредственно к атомистической теории Демокрита⁴⁵. Атомисты признавали бесконечность Вселенной и бесчисленность миров, одновременно существующих в бесконечном пространстве⁴⁶. Диодор же говорит о единственном мире, который имеет начало во времени (I, 7, 1). Первоначальное состояние Вселенной, по его мнению, характеризовалось смешением природы неба и земли. Применяемый им термин *μεγθυμαι* находится в противоречии с используемым в этом случае атомистами глаголом *ἀθροίζεσθαι*⁴⁷. В трактовке происхождения мира Диодор гораздо ближе к досократикам, чем к атомистам⁴⁸. Не имеет ничего общего с атомистической космогонией также мнение Диодора о происхождении небесных тел. Согласно Левкиппу и Демокриту, небесные светила имели внекосмическое происхождение. Они возникли вследствие устремляющихся в движение атомов⁴⁹. В противоположность древнеатомистическому учению Диодор высказывает мнение о внутрикосмическом происхождении небесных светил. То, что Диодор говорит о светилах в связи с выделением из воздуха легкой огневидной части, устремляющейся вверх (I, 7), дает основание думать, что в представлении Диодора светила являлись первоначальным природным огнем. Некоторые исследователи усматривают здесь черты сходства с Эмпедокловым и Платоновым учением⁵⁰.

В отличие от атомистов Диодор, так же как и досократики Эмпедокл и Анаксагор, говорит, что в связи с отделением земли от неба в мире стали действовать четыре элемента: земля, вода, воздух и огонь (I, 7, 1). Сравнивая это описание с соответствующей теорией Анаксагора, известной нам в интерпретации Теофраста, мы обнаруживаем немало черт сходства. Согласно теории Анаксагора, «...небесный порядок установлен круговым движением. Плотное, влажное, темное, холодное и вообще все тяжелое собралось в середине; из затвердения их возникла земля, а из находящихся на земле вод возникло море. Противоположное же им теплое, светлое, сухое и легкое устремилось в верхнюю часть эфира» (Hippol., Refut. I, 8,

⁴³ Ibid., S. 34 ff.

⁴⁴ Spoerri. Op. cit., S. 129, 207.

⁴⁵ Dahlmann J. H. De philosophorum Graecorum sententiis ad loquellae originem pertinentibus carita duo. Diss. Lpz., 1928, p. 23 sqq.; Diller H. Hippokratische Medizin und attische Philosophie. — Hermes, 1952, 80, S. 396, Anm. 2; Spoerri. Op. cit., S. 7 ff.

⁴⁶ См. тексты, собранные С. Я. Лурье в его книге: Демокрит. М., 1970, с. 79—83, № 288—313 (оригинал); 274—279, № 288—313 (перевод); 479—483, № 289—313 (комм.).

⁴⁷ См. Diog. Laert., IX, 30 sqq.; Hippol., Refut. I, 12, 2; Epic., Epist. II, 88 sqq. (= Diog. Laert., X, 88 sqq.); Aetius, Plac. I, 4 (= Diels H. Die Fragmente der Vorsokratiker, 67 A 24, S. 77, 5 sq.).

⁴⁸ См. Spoerri. Op. cit., S. 17, и цитируемую им литературу.

⁴⁹ См. тексты: Лурье. Ук. соч., с. 96 сл., № 381—384 (оригинал), 296—298, № 381—384 (перевод); 496 сл., № 382—383 (комм.). См. также Spoerri. Op. cit., S. 25 ff., и цитируемую им литературу.

⁵⁰ Dahlmann. Op. cit., S. 30, Anm. 12, 14; Vlastos G. On the Prehistory in Diodorus. — AJPh, 1946, 67, p. 58, not. 32. Подробное обоснование отличия атомистического учения о возникновении небесных светил от того, что сообщает Диодор, см. у Шперри (op. cit., S. 26 f.).

1) ⁵¹. В конце VII главы Диодор цитирует стих из «Меланиппы» Эврипида ⁵². Действительно, сходство между космогонией Диодора и содержанием стиха Эврипида невозможно отрицать. Его сообщение, что Эврипид был учеником Анаксагора, находит подтверждение также в других источниках ⁵³. Однако, несмотря на отмеченное выше сходство между космогонией Диодора и взглядами досократиков, все же невозможно утверждать, что суждения Диодора следует возводить непосредственно к ним. Между Диодором и досократиками есть немало существенных черт различия. Так, например, согласно Анаксагору, главной причиной движения, в котором существуют все вещи, являлся ум (*νοῦς*). Этого нет у Диодора. Из его рассуждения следует, что процесс возникновения мироздания был самопроизвольным ⁵⁴.

В. Шперри важное значение придает некоторым чертам сходства в космогонии Овидия (*Metam.* I, 5 f.) и Диодора. Однако и в этом случае сходство не является абсолютным настолько, чтобы можно было утверждать, что Овидий и Диодор пользовались одним и тем же конкретным источником. Так, например, у Диодора в противоположность Овидию мы совершенно не встречаем первопричины возникновения Вселенной в виде божественной или природной силы (*fabricator mundi, orifex regum*). Все это, как верно отмечает В. Шперри, указывает на то, что Овидий и Диодор черпали сведения о космогонии из того круга идей, которые были господствующими в I в. до н. э. ⁵⁵ Что же касается более конкретной характеристики этих идей, то нам представляется невозможным какой-либо однозначный вывод. В. Шперри склонен считать, что Овидий и Диодор использовали идеи неоплатонизма ⁵⁶. Однако можно думать, что Диодор, так же как и Овидий, в трактовке космогонии был близок к пантеистическим стоическим концепциям и к трактату Псевдо-Аристотеля *Περὶ κόσμου* ⁵⁷.

Вслед за космогонией Диодор переходит к характеристике зоогонии (I, 7, 3—6). Со времени К. Рейнхардта широко распространилось мнение, что зоогония и антропогония Диодора через Гекатея из Абдер, последователя Демокрита, восходит к атомистической теории. Сравнивая этот сюжет с тем, что говорится в первой книге (I, 10 sqq.), К. Рейнхардт и его последователи утверждают, что Гекатей, вложив учение Демокрита в уста египетских жрецов, лишил его атомистического характера. Кроме того, они считают, что Диодор извлек из «Египтики» Гекатея часть материала и поместил его в виде общего Введения ⁵⁸. Критики теории К. Рейнхардта резонно замечают, что если Гекатей передавал учение Демокрита, то как бы он ни старался выхолостить из него атомистическое содержание, следы его все равно должны были бы сохраниться ⁵⁹. Некоторые ученые, даже

⁵¹ *Diels*. Die Fragmente..., 59 A 48, S. 19, 35. См. также *Маковельский А.* Досократики. Ч. II. Казань, 1919, с. 133, № 42. К этому см. *Spoerri*. Op. cit., S. 9 ff., и цитируемую им литературу; *Farrington B.* Greek Science. V. I. From Thales to Aristotle. L., 1944—1949, p. 79; *Томсон Дж.* Первые философы. М., 1959, с. 146.

⁵² По-видимому, Диодор осознал, что сообщаемое им мнение согласуется с мнением Эврипида, ученика Анаксагора (*Diod.*, I, 7, 7 = Frg. 484, Nauck = *Diels*. Die Fragmente..., 59 A, 62, S. 21, 27 sq.). См. также *Diod.*, I, 38, 4. Согласно Шварцу (*Diodoros*, Sp. 670), этот сюжет заимствован из сочинения Агатархида (FGrH, 86 F 195, 216, 41 sq.; ср. *Diels H.* Doxographi Graeci. B., 1879, S. 226 f.; *Dahlmann*. Op. cit., S. 35, Anm. 1; *Rehm H.* Nilschwelle. — RE, 1936, 17, 1, Sp. 572 f.).

⁵³ Ср. *Diod.*, II, 3, 10. Эврипид считался учеником Анаксагора уже в александрийскую эпоху.

⁵⁴ Более подробно об этом см. *Spoerri*. Op. cit., S. 31 f.; там же см. ссылки на литературу.

⁵⁵ *Spoerri*. Op. cit., S. 34 ff.; *Burton*. Op. cit., p. 46.

⁵⁶ *Spoerri*. Op. cit., S. 114 ff.; *Burton*. Op. cit., p. 46.

⁵⁷ *Вуллх Н. В.* Мироззрение и художественный стиль Овидия (Поэма «Метаморфозы»): Автореф. дис. на соискание уч. ст. д-ра филол. наук. Л., 1977, с. 10.

⁵⁸ *Reinhardt*. Hekataios..., S. 499; *Philippson R.* — Rez.: *Dahlmann*. De philosophorum Graecorum sententiis... — Philologische Wochenschrift, 1929, 49, S. 666—676; *Cole*. Op. cit., p. 174 ff.

⁵⁹ *Spoerri*. Op. cit., S. 8, 115.

сторонники возведения зоогонии и антропогонии Диодора к Демокриту, признают, что в самой египетской «археологии» Диодора есть немало таких подробностей, которые вступают в противоречие с учением Демокрита⁶⁰. Это подтверждает мысль, высказанную еще Эд. Шварцем, что Диодор для написания своей египетской «археологии» пользовался не только трудом Гекатея⁶¹.

Современные исследователи, основываясь на теории К. Рейнхардта (Демокрит — Гекатей — Диодор), считают, что поскольку известия Гермиппа, Цецы и автора христианского времени Ионна Катрары близки к тому, что говорит Диодор о происхождении жизни, то, значит, и для этих авторов Демокрит был главным источником⁶². Между тем о самой биологической теории Демокрита существуют самые ничтожные данные. К сожалению, мы располагаем только двумя прямыми, но очень краткими свидетельствами Цензорина и Лактанция о том, что, по мнению Демокрита, люди первоначально произошли из воды и грязи (Цензорин) или, по Лактанцию, из земли, подобно червякам, причем не было ни создателя, ни цели⁶³.

Критики теории К. Рейнхардта справедливо указывают, что мысль о *generatio spontanea* червеподобных образований и представление о том, что первые живые организмы выползали как черви из земли, существенно отличается от учения, отразившегося у Диодора, согласно которому развитие организмов осуществлялось тем же способом, что и развитие растений⁶⁴.

Черты сходства обнаруживаются между учением Эпикура и Лукреция и зоогонией Диодора. Как Диодор, так и Лукреций признают, что наш мир должен был иметь начало: «Если огромные мира члены и части, погибнув, опять возникают, ясно, что было когда-то начальное некое время и для небес и земли и что им предстоит разрушение» (Lucr., V, 235—246)⁶⁵. Подобно Диодору Лукреций также выдвигал теорию самозарождения. Характеризуя этот процесс, он отмечает, что «... в нагретом иле возникали матки, связанные с землей особыми корнями. В них развивались зародыши, и через некоторое время, когда матки разрывались, появлялись молодые организмы» (Lucr., V, 801 sqq.). Это учение, несомненно, напоминает зоогонию Диодора, и в то же время оно явно отличается от зоогонии Демокрита. Таким образом, Диодора сближает с Эпикуром и Лукрецием признание теории самозарождения жизни. Источником самозарождения жизни считались влага и солнечное тепло (см. Diod., I, 7,3; Lucr., V, 797—798; ср. Ovid., Metam. I, 430—431)⁶⁶.

Итак, по-видимому, зоогония Диодора, как и космогония, не представляет собой отражение какой-либо определенной философской теории, но является общим взглядом на предмет, высказанным Диодором под влиянием тех идей, которые были господствующими в его время. Учитывая все вышеизложенное, невозможно согласиться с мнением К. Рейнхардта и его последователей о том, что Диодор извлек из «Египтики» Гекатея (I,

⁶⁰ Ibid., S. 201 ff.; Burton. Op. cit., p. 1 ff. Лурье — сторонник теории К. Рейнхардта — вынужден признать, что даже в VII главе первой книги невозможно каждую отдельную подробность возводить к Демокриту (Лурье. Ук. соч., с. 496, № 382, 5).

⁶¹ Schwartz. Diodoros, Sp. 670.

⁶² Лурье. Ук. соч., с. 127 сл., № 514—515 (оригинал); 338—340, № 514—515 (перевод); 531—533, № 514—515 (комм.). Об этом см. также у Шперри (op. cit., S. 119 ff.).

⁶³ Censor., 4, 9; Lact., Div. inst. VII, 7, 9 (=Лурье. Ук. соч., с. 127, № 514; 338, № 514).

⁶⁴ Spoerri. Op. cit., S. 124.

⁶⁵ Петровский Ф. А. Комментарий к Лукрецию, V, 235—415. — В кн.: Лукреций. О природе вещей. Т. II. М., 1947, с. 438.

⁶⁶ Концепция самопроизвольного рождения была широко распространена в античности. К отмеченным в тексте примерам можно также прибавить соответствующие места из сочинений Вергилия (Georg. IV, 281 sq.) и Секста Эмпирика (Pyrrh. Hypot. I, 41). Ср. Capelle W. Das Problem der Urzeugung bei Aristoteles und Theophrast. — RhM, 1955, 98, S. 150—180.

10 sqq.) материал о зоогонии и антропогонии (I, 7, 3—6) и поместил в качестве общего Введения⁶⁷. В то время как в I, 7, 3—6 дается общая теория самозарождения, как мы пытались показать, существенно отличающаяся от атомистических представлений Демокрита в I, 10 sqq., объясняется не как, а почему первые люди появились в Египте.

Теперь перейдем к рассмотрению содержания VIII главы Введения, в которой Диодор кратко излагает историю развития человеческого общества и его культуры. В античности существовали две широко известные концепции происхождения человеческого общества, которые восходят к глубокой древности. Первая из них — это знаменитый миф о золотом веке, согласно которому по мере удаления от этого века жизнь человечества становилась все хуже. Следы этой концепции мы находим уже у Гомера, но особенно яркое воплощение она нашла в известном учении Гесиода о пяти последовательно сменявшихся друг друга человеческих поколениях («Труды и дни», 106—175). Эта концепция продолжала существовать на протяжении всей античности. Противоположной концепцией было учение о прогрессе человеческого общества. Согласно этому учению, жизнь первобытных людей была жалкой и несчастной и лишь постепенно человечество прогрессировало к более совершенным формам существования. Со времени появления работы К. Рейнхардта принято связывать это учение с именем Демокрита, считая, что от него эту концепцию унаследовали Эпикур и Посидоний, уже даже Платон и Аристотель⁶⁸.

Однако кажется более вероятным признать, что эта идея, представлявшая собой продукт ионийского рационализма, возникла много раньше и достигла полного расцвета в V—IV вв. в связи с развитием философских спекуляций⁶⁹. Наиболее раннее доказательство этого мы встречаем в уже упоминаемой поэме Гесиода «Труды и дни» (43—105). Имеется в виду миф о Прометее, который, стремясь улучшить тяжелую и беспросветную жизнь людей, навлек на себя гнев богов. Подобные идеи можно встретить у авторов V в. до н. э. — Эсхила, Эврипида и Платона⁷⁰. С этого времени теория прогресса человеческого общества получила широкое распространение в античной литературе.

К сожалению, большинство сочинений V—IV вв., посвященных проблемам происхождения культуры, известно только по названиям либо по незначительным фрагментам⁷¹. Тем не менее несколько произведений, отличающихся объемом и систематическим изложением, сохранились и являются хорошими образцами доэллинистических представлений о возникновении и развитии человеческой культуры. Мы имеем в виду прежде всего Фукидида, который в первой книге своей истории рассуждает об эволюции эллинской культуры, беря, правда, за точку отсчета уже некоторый уровень развития, достигнутый ею к моменту после Троянской войны (I, 2 sqq.). Не менее важен также текст Платона, трактующий о происхождении культуры и общества и представляющий собой предисловие к политической истории Пелопоннеса, Аттики и Персии (Leg. III, 676A—683A). Платон, рассматривая историческую необходимость нового законодательства, рассказывает о беспорядочности первобытного состояния людей, затем он выделяет исторические этапы развития человечества от потоп до начала законодательства.

Концепция прогрессивного развития человеческого общества от периода его дикости к цивилизации привлекала греческих и особенно римских писателей и в позднеэллинистическую эпоху. Прежде всего следует отме-

⁶⁷ Cole. Op. cit., p. 174 ff.

⁶⁸ Reinhardt. *Hekataios...*, S. 512; Cole. Op. cit., p. 12 ff., 184 ff.; Лурье. Ук. соч., с. 137, № 558 (оригинал), 351—352, № 558 (перевод), 542—545, № 558 (комм.); см. также Pohlenz M. *Die Stoa*. Göttingen, 1955², S. 235.

⁶⁹ Lovejoy, Boas. Op. cit., Ch. 5—7.

⁷⁰ См. Aeshyl., *Prometh.* 109 sqq., 436 sqq.; Eur., *Suppl.* 201—215; Plato, *Prot.* 320, d, sqq.

⁷¹ См. об этом более подробно Cole. Op. cit., p. 4 ff.

тить известную теорию происхождения человеческой культуры у Лукреция (*De rer. nat.* V, 925 sqq.). Витрувий считал необходимым в своем сочинении «Об архитектуре» дать описание первобытного состояния человечества (2, 1, 1 sq.). Поэтов Вергилия (*Georg.* I, 133 sq.; *Aen.* 8, 314 sq.) и Горация (*Satur.* I, 3, 99 sq.), астронома Манилия (1, 61) и оратора Цицерона (*De orat.* I, 36; *Sest.* 91; *Tusc.* I, 62; 5, 5) также волновала эта тема. Наконец, Сенека в 90-м письме высказывает свое мнение о теории происхождения культуры у Посидония. К числу этих позднеэллинистических свидетельств относится и сообщение Диодора. Характеризуя *modus vivendi* первобытных людей, Диодор отмечает, что «(1) они, вступив в жизнь беспорядочную и подобную животным, в одиночку выходили на пастбища (*ἐν ἀτάκτῳ καὶ ἀγρίῳ βίῳ καθέστωτας σποράδην ἐπὶ τὰς νομάς ἐξίεναι*) и употребляли в пищу пригодную растительность и плоды дикорастущих деревьев». Выражения *ἀτάκτος καὶ ἀγρίῳ βίῳ* и *σποράδην ἐπὶ τὰς νομάς ἐξίεναι* представляют собой распространенную формулу для характеристики первобытной жизни человечества, возникшую задолго до Демокрита⁷², широко применявшуюся в сочинениях позднеэллинистических авторов⁷³. Согласно Диодору (I, 8, 2), решающей внешней причиной возникновения человеческого общества была угроза нападения диких зверей. Внутренними предпосылками, способствовавшими этому процессу, были польза (*τὸ συμφέρον*) и страх (*ὁ φόβος*).

В процессе совместного общения первобытных людей возник также и язык. Уже в классический период перед греческой наукой возник важный вопрос: на чем основана связь между словом и природой — на сходстве слова с природой обозначаемого им предмета или на простом соглашении между людьми о том, что такой-то предмет будет впредь обозначаться таким-то словом — без отношения слова к природе самого предмета? Согласно первой из этих точек зрения (*Physistheorie*), связь слова с предметом существует по природе. Эта теория отчасти нашла свое отражение у Эпикура⁷⁴, а в позднеэллинистическое время наиболее последовательным ее сторонником был Лукреций⁷⁵. Согласно второй точке зрения, связь слова с предметом существует не по природе, а по установлению (*The sistheorie*), т. е. язык рассматривается как искусственное изобретение. Сторонником этой теории был Демокрит⁷⁶. Что же касается Эпикура, то он хотя и признавал, что первоначально наименования вещей возникли не по соглашению (*μὴ θέσει*), но в результате влияния природы (*φύσει*), тем не менее несколько ниже (76) он утверждает, что «...впоследствии у каждого народа, с общего согласия (*κοινῶς... τεθήναι*) были даны вещам особые названия»⁷⁷. Эта теория отразилась также и в сообщении Диодора

⁷² См. Norden *Ed.* Agnostos Theos. Lpz, 1931, S. 370 f., 373—375; *Spoerri.* Op. cit., S. 133, Anm. 3; S. 154, Anm. 13—15; *Лурье.* Ук. соч., с. 543, № 558, 3.

⁷³ *Ovid.*, *Fasti*, IV, 395; *Horac.*, *Satur.* I, 399, sqq.; *Vitruv.*, *De archit.* 2, 1, 1; *Seneca*, *Epist.* 90, 7; *Lucr.*, *De rer. nat.* V, 925 sqq.; *Vergil.*, *Georg.* I, 133 sqq.; *Aeneid.* 8, 314 sqq.; *Cic.*, *De orat.* I, 36; *Sest.* 91; *Inv.* I, 2; *Tusc.* I, 62; 5, 5. Как отмечают некоторые исследователи (*Uxkull-Gyllenband W.* Griechische Kulturstehungslehren.— *Bibliothek für Philosophie*, 1924, 26, S. 44 ff.; *Pfligersdorffer G.* Studien zu Poseidonios. Wien, 1959, S. 100—146), большинство этих мнений, в том числе и Диодора, обязаны своим существованием Посидонию. Однако высказанное Диодором суждение было настолько широко распространено, что едва ли возможно его связывать с каким-то конкретным источником. См. *Spoerri.* Op. cit., S. 132 ff.; *idem.* Zu Diod. von Sicilien, I, 7/8.— *Mus. Helv.*, 1961, XVIII, S. 63 ff.; *Burton.* Op. cit., p. 48.

⁷⁴ *Diog. Laert.*, X, 75 (= *Epic.*, *Epist.* ad Herod. 75); ср. *Spoerri.* Op. cit., S. 136; *Cole.* Op. cit., p. 62; *Burton.* Op. cit., p. 49; *Соболевский И. С.* Письмо к Геродоту.— В кн.: Лукреций о природе вещей. Т. II. М., 1947, с. 547.

⁷⁵ *Lucr.*, *De rer. natur.* V, 1028 sqq. Ср. *Dahlmann.* Op. cit., S. 15 f.; *Петровский Ф. А.* Комментар. к Лукрецию. V, 1028—1090.— В кн.: *Лукреций.* О природе вещей. Т. II, с. 449.

⁷⁶ См. *Лурье.* Ук. соч., с. 139, № 563—567 (оригинал); 353, № 563—567 (перевод); 549, № 563—567 (комм.); *Cole.* Op. cit., p. 67 ff.

⁷⁷ Дискуссию о сходствах и различиях между учениями Эпикура и Демокрита о возникновении языка приводят: *Лурье.* Ук. соч., с. 549 сл., № 563; *Ахманов А. С.* Эпикур.— В кн.: Лукреций о природе вещей. Т. II, с. 514 сл.

(I, 8, 3). По-видимому, в позднеэллинистическое время она имела широкое распространение. Неслучайно Лукреций столь решительно ополчается против этой теории, категорически утверждая, что «...полагать, что кто-то снабдил именами вещи, а люди словам от него научились впервые, — это безумие» (De rer. nat. 1041—1043) ⁷⁸.

Установление точного источника Диодора — вопрос очень спорный. К. Рейнхардт, а вслед за ним и большинство исследователей склонны видеть в суждении Диодора отражение теории Демокрита ⁷⁹. Дальман и некоторые другие ученые считают, что Диодор воспроизводит стоическую теорию происхождения языка, которая как бы объединяла Thesistheorie с учением Аристотеля о символах ⁸⁰. В. Шперри склонен считать, что Диодор отразил в общих чертах распространенную в его время Thesistheorie происхождения языка ⁸¹. Учитывая краткость суждения Диодора, очень трудно принять однозначное решение. Тем не менее, сравнивая текст Диодора с тем, что говорит Эпикур, можно предположить, что Диодор передает его сокращенный вариант. Он мог опустить характеристику первоначального этапа происхождения языка, которая у Эпикура очень трудна для понимания ⁸², и сохранить только его суждение о Thesistheorie (ср. Diod., I, 8, 4). Диодор высказывает идею о полицентрическом происхождении народов и языков, различие между которыми было обусловлено случаем. По-видимому, эта проблема была дискуссионной в позднеэллинистическое время (ср. Strabo, II, 3, 7, С 103).

Согласно Диодору (I, 8, 5—9), как при образовании первых человеческих коллективов, так и в процессе дальнейшего развития человеческой культуры главными внутренними предпосылками были польза (ἡ χρῆσις = τὸ συμφέρον) и опыт (ἡ πείρα). Категории συμφέρον, χρῆσις, ἀναγκαιόν (в латинском варианте usus—utilitas) широко применялись философами начиная с V—IV вв. (софистами и особенно Демокритом и Эпикуром) ⁸³, а также в более поздний период, греко-римскими эпикурейскими и стоическими писателями ⁸⁴. Вместе с тем в то время как Демокрит, Эпикур и его последователи (например Лукреций) при характеристике возникновения человеческого общества и его культуры особое значение придавали категориям «необходимость» и «потребность» (χρῆσις = ἀναγκαιόν), Диодор считает главным принципом, способствовавшим развитию культуры, «пользу» (χρῆσις = συμφέρον). Категории χρῆσις—συμφέρον—utilitas как культуuroбразующие принципы встречаются в софистической и эпикурейской литературе, а в позднеэллинистическое время — у писателей, сохранивших следы влияния стоических теорий ⁸⁵. Поэтому мы склонны предположить, что мнение Диодора обязано своим происхождением влиянию

⁷⁸ См. также Varro. De lingua latina, 8, 7; 27; Philo Alexandrinus, Leg. allegor. 2, 15 (I, 69 m); Cic., Tusc. I, 62; Sext. Empir., Pyrrh. hyp. 2, 214; 256. О распространении Thesistheorie о происхождении языка в позднеэллинистическое время см. Spoerri. Op. cit., S. 138 f.

⁷⁹ Reinhardt. Hekataios..., S. 512; Cole. Op. cit., p. 62 f.; Лурье. Ук. соч., с. 549—552, № 563—567.

⁸⁰ Dahlmann J. H. Varro und die hellenistische Sprachtheorie.— Problemata, 1932, 5, S. 5, 6, Anm. 1; Pohlenz M. Die Begründung der abendländischen Sprachlehre durch die Stoa.— GGN. Phil.-hist. Kl., Fachgruppe I, NF, 1939, 3, 6, S. 151—198; Collart J. Varron. P., 1954, p. 264 suiv.; Barwick K. Probleme der stoischen Sprachlehre und Rhetorik.— Abh. Akad. Wiss. Phil.-hist. Kl. Lpz, 1957, 49, 3, S. 70 ff.

⁸¹ Spoerri. Op. cit., S. 138 ff.

⁸² См. Cole. Op. cit., p. 62.

⁸³ Diels. Die Fragmente..., 89, S. 402, 25; Arist., Polit. 533 sqq.; Plato, Rep. 2, 369, с, 2 sqq.; 373, a, b; Pol. 274, e, 3 sq.; Leg. I, 630, c; 6, 782 sqq. (ср. 3, 679, a); Critias, 110 a; Epin. 974 sqq.; Isocr., Paneg. 40. См. Spoerri. Op. cit., S. 144, и цитируемую им литературу.

⁸⁴ Hor., Sat. I, 3, 102; Vergil., Georg. I, 133 sqq.; Manil. I, 61 sq.; Senec., Epist. 90, 35; Lucr., V, 1041 sq., 1087 sq.; Vitruv., 2, 1, 6. См. Spoerri. Op. cit., S. 144 f., и ссылки на литературу.

⁸⁵ Plato, Rep. I, 338, c; Epicur., Sentent. Selectae, XXXI, XXXVI—XXXVIII; Varro, Lingua lat. 8, 27; Cic., Sest. 91; Inv. I, 2; De orat. I, 36; Sen., Epist. 90, 5 (ср. 35).

стоической этики. Во всяком случае это отчасти подтверждается его заключительной мыслью о том, что человек как «...живое создание обильно одарен природой и имеет в качестве помощников на все случаи жизни руки, язык и пронизательность ума» (I, 8, 9). В этом явно можно видеть отражение стоического учения о совершенстве и целесообразности человека как продукта природы ⁸⁶.

Характеризуя в целом композиционную структуру VIII главы, некоторые современные исследователи находят, что в ней отсутствует единство. В частности, В. Шперри и Т. Коля противопоставляют первые четыре параграфа, где говорится о создании человеческого общества и развитии языка, следующим четырем параграфам, которые повествуют о совершенствовании человеческого существования и началах культуры ⁸⁷. Нам представляется нецелесообразным такое противопоставление, мы не видим нарушения композиционного единства. Диодор кратко, но достаточно последовательно раскрывает этапы развития человеческого общества и культуры: 1) жизнь первых людей и возникновение первых человеческих коллективов (I, 8, 1—2); 2) возникновение языков как результат этого общения (I, 8, 3—4); 3) жизнь первых человеческих коллективов и дальнейшее развитие культуры (I, 8, 5—8). Наконец, в качестве общего объяснения всех этих трех этапов Диодор приводит известную теорию о совершенстве и целесообразности человека как продукта природы (I, 8, 9). Поэтому мы не согласны с утверждением Т. Коля о том, что VIII глава является коллекцией бессвязных эксцерптов, извлеченных из различных частей того сочинения, которое Диодор положил в основу своей первой книги (II, 38, 2). Таким образом, в VIII главе Введения Диодор излагает общий взгляд на происхождение человеческого общества и его культуры. Поэтому высказанные здесь идеи не могли не отразиться в той или иной степени и на характеристике им истории отдельных народов.

Итак, рассмотрев содержание Введения Диодора к «Исторической библиотеке», мы разделяем мнение тех ученых, которые считают труд Диодора образцом эллинистического сочинения, отразившим универсально-исторические взгляды, а также позднеэллинистические представления о происхождении мира, человеческого общества, культуры и богов. Такой подход к «Исторической библиотеке» оказался возможным прежде всего благодаря работам Эд. Шварца и И. Пальма ⁸⁸, которые доказали стилистическую, лексическую и синтаксическую однородность его сочинения. Анализ содержания Введения, как, впрочем, и всего сочинения Диодора в целом, дает основание признать, что подобный подход, намечившийся у современных исследователей, вполне оправдан. И, несомненно, прав был К. К. Зельин, отметивший, что, «...хотя не часто можно встретить в античной историографии такие сложные и глубоко продуманные концепции, как у Фукидида и Полибия, тем не менее даже у авторов сравнительно небольшого масштаба наличия концепции отрицать нельзя» ⁸⁹.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что Диодор, бесспорно, не был философом и совершенно не ставил перед собой цель изложить достаточно последовательно и точно основные выводы той или иной философской школы. Создавая свою «Историческую библиотеку», Диодор познакомился с множеством разнообразных сочинений IV—I вв. до н. э. Это и послужило главной причиной эклектичности его представлений. В рассуждениях Диодора о роли истории ярко обнаруживается влияние стоических взглядов, получивших широкое распространение на рубеже нашей эры.

⁸⁶ *Cic.*, *Nat. deor.* 2, 150 sq.; *Galen*, *De usu partium*, I, 2—4; *Vitruv.*, 2, 1, 2; *Sext. Empir.*, *Adv. physic.* I, 28, 107, 109. См. *Spoerri*. *Op. cit.*, S. 149 f., и его ссылки на литературу.

⁸⁷ *Cole*. *Op. cit.*, p. 183 ff.; *Burton*. *Op. cit.*, p. 49 f.

⁸⁸ *Schwartz*. *Diodoros*, Sp. 663 ff.; *Palm*. *Op. cit.*

⁸⁹ *Зельин К. К.* Из области греческой историографии IV в. до н. э. — ВДИ, 1960, № 1, с. 92.

Очень сложна проблема истоков представлений Диодора о происхождении мира, человеческого общества, культуры и богов. Со времени выхода в свет знаменитой статьи Рейнхардта о Гекатее из Абдеры, предложенная им схема (Демокрит — Гекатей — Диодор) получила широкое признание в научной литературе. Однако в конце 60-х годов нашего века, после опубликования книг В. Шперри и Т. Коля, дискуссия возобновилась. Рассмотрев содержание VII—VIII глав Введения к «Исторической библиотеке» и сопоставив его с рассуждениями Диодора об универсальной истории, мы склонны согласиться с выводами Эд. Шварца и особенно В. Шперри, согласно которым Диодор не излагал определенные положения какой-либо конкретной философской школы, почерпнув их из какого-нибудь одного источника. В VII и VIII главах первой книги Диодор в очень сжатом виде передает наиболее популярные в его время представления о космогонии, зоогонии и антропогонии. И в этом случае одной из особенностей суждений Диодора является эклектичность, обусловленная тем, что он черпал свои сведения из самых различных сочинений.

Наконец, необходимо отметить, что наиболее популярные представления о космогонии, зоогонии и антропогонии нужны были Диодору для построения периодизации его универсальной истории от возникновения мира до середины I в. до н. э.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ДИОДОР СИЦИЛИЙСКИЙ.

ВВЕДЕНИЕ К «ИСТОРИЧЕСКОЙ БИБЛИОТЕКЕ»

(кн. I, гл. 1—8). Перевод*

Глава I

1. Справедливо, чтобы все люди воздавали большие почести составителям всеобщих историй за то, что они своими трудами старались помочь человеческому обществу в целом¹; ведь, предложив безопасное изучение пользы, они доставляют читателям посредством этого обучения наилучший опыт. Итак, знание, со многими трудностями и опасностями добываемое из опыта каждого человека, помогает распознавать все полезное, и поэтому многоопытнейший из героев с большими несчастьями

«Многих людей увидел, города и обычаи их узнал»².

- Напротив, понимание успехов и неудач других, даваемое исторической наукой, доставляет знание без испытания бед. Затем составители всеобщих историй стремились всех людей, находящихся между собой в родстве, отделенных друг от друга пространством и временем, привести к одному и тому же порядку, словно какие-нибудь слуги божественного провидения. Так же как божественное провидение, порядок видимых звезд и судьбы людей составил в общую аналогию, непрерывно вращает по кругу весь век, уделяя каждому в соответствии с его судьбой его долю, так и историки, обстоятельно описав общие события всего обитаемого мира, как бы одного государства, объявляют свои сочинения единым рассказом и общим суждением всего свершившегося.
4. Ведь прекрасно уметь пользоваться заблуждениями других как примерами, побуждающими к исправлению своих собственных ошибок и, сталкиваясь с превратностями жизни, не думать о том, каким образом следует поступить в каждом конкретном случае, но подражать успехам, которые были достигнуты в прошлом.

* При подготовке перевода всего текста Введения нами были учтены изданные в последнее время в советской литературе переводы отдельных глав его, выполненные С. Я. Лурье, А. Ф. Лосевым и М. К. Трофимовой.

¹ Диодор подчеркивает связь между всеобщими историями (*κοιναι ιστοριαι*) и человеческим обществом как целым (*κοινος βιος*).

² Одиссей. См. *Odys.* I, 3.

- Все люди, когда дело касается советов, обычно предпочитают обращаться к старшим по возрасту, чем к более молодым, по причине приобретенного у тех от времени опыта; однако, как известно, знание, которое дает история, настолько превосходит этот опыт, насколько история, как мы знаем, имеет преимущество благодаря тому, что сообщает о множестве событий. Поэтому можно считать, что приобретение знаний посредством исторической науки есть величайшая польза на все случаи жизни. Ведь юношам история доставляет знания тех, кто уже состарился, у более старших она умножает тот опыт, которым они уже владеют, обычных людей делает достойными занимать руководящие должности, руководителей же благодаря бессмертию славы она побуждает к свершению прекраснейших из подвигов; кроме того, воинво она делает более готовыми перед лицом опасности защищать их отечество вследствие похвал, получаемых ими после смерти, дурных людей она отвращает от стремления совершать постыдные погупки тем, что угрожает вечными злословиями по их адресу.

Глава II

1. Вообще благодаря памяти, которую сохраняет история на благо людям, известно, что одни из них стали основателями городов, другие установили для человеческого общества законы, обеспечивающие его безопасность, многие считали для себя вопросом чести, чтобы открыть науки и искусства на пользу людям. Так как из всего этого и складывается счастье, то первую из похвал нужно воздать главной его причине — истории. Поэтому следует признать, что история, с одной стороны, является хранительницей памяти о доблести выдающихся людей, с другой — свидетельницей преступления злых, а также благодетельницей всего рода человеческого. Ведь если мифы об Аиде, несмотря на их вымышленное содержание, побуждают людей к благочестию и справедливости, то насколько же более следует считать историю провозвестницей истины, так бы метрополией всей философии³, способной еще больше воспитывать у людей безукоризненную честность?
3. Ведь все люди по причине слабости их природы живут лишь незначительную часть всей вечности, а для всего последующего времени они мертвы, поэтому у тех, которые при жизни не совершили ничего достойного упоминания, все, что им принадлежало, когда они были живыми, погибает вместе с ними; что же касается тех, которые своей доблестью добились славы, то их деяния будут помнить вечно, так как они прославляются божественными устами истории. Я думаю, прекрасно, когда люди, благородно мыслящие, взамен смертных трудов получают бессмертную славу. Ведь Геракл, например, как считают, в течение всего времени, которое он провел среди людей, добровольно претерпел множество страданий и опасностей, чтобы, принеся пользу людям, самому получить бессмертие; подобно этому и среди других благородных людей одни получили героические почести, другие — почести, равные богам, и все вместе получили много похвал, так как история сделала их доблесть бессмертной.
5. В то время как другие памятники сохранялись недолго, будучи разрушены вследствие многих превратностей жизни, сила истории, распространившаяся на весь обитаемый мир, — в том, что она имеет в лице времени подвергающего все остальное порче хранителя, который обеспечивает вечную передачу знаний потомкам. История также способствует силе слова, лучше которого ничего не найти.
6. Ведь благодаря ему эллины превосходят варваров, воспитанные и образованные люди возвышаются над невежественными, кроме того, посредством только его одного можно одному человеку добиться превосходства над толпой; вообще все выдающееся является таким, каким его выставляет сила говорящего, и мы называем доблестных людей достойными упоминания как одержавших такую награду за доблесть. Между тем как речь разделяется на много видов, то оказывается, что поэзия более приятна, чем полезна, законодательство наказывает, но не поучает, подобно этому и другие виды либо ничем не способствуют счастью,
- 7.

³ Употребление термина «метрополия» в этом значении засвидетельствовано у Хрисиппа, автора III в. до н. э.; см. *Athen.*, 104 В.

- либо содержат смешение вредного с полезным и иногда извращают истину, история же единственная, поскольку в ней слова и дела соответствуют друг другу, объединяет в своем повествовании все другие полезные качества; в самом деле, можно видеть, что история всегда побуждает к справедливости, порицая злых и прославляя благородных и в целом доставляя читателям величайший опыт.

Глава III

1. Поэтому и мы, видя, что составители историй получают заслуженную похвалу, были преисполнены соответствующей энергии, чтобы взяться за этот труд. Обращая внимание на писателей, живших до нас, мы оценили очень высоко их замысел, однако мы не считаем, что их сочинения составлены таким образом, что доставляют пользу читателям настолько, насколько это возможно. Ведь хотя польза для читателей заключается в том, чтобы получить знания о самых многочисленных и разнообразнейших обстоятельствах, большинство писателей описывали ограниченные войны, которые велись одним народом или одним государством. Немногие брались описать общие дела начиная с древнего периода и вплоть до их собственного времени, и из них одни не привязывали соответствующие даты к отдельным событиям, другие упустили деяния варварских народов; кроме того, некоторые отвергли древние мифы из-за трудности их обработки, другие намеченный план не закончили, поскольку умерли в расцвете лет по воле судьбы⁴. Из тех, кто осуществил замысел такого сочинения, ни один не продолжил свою историю дальше македонского периода; при этом одни кончали свое повествование делами Филиппа, другие — Александра, третьи — событиями времени диадохов или эпигонов⁵; несмотря на то, что многие и значительные события, совершившиеся после этого, остались забытыми вплоть до нашего времени, ни один из историографов не взялся рассказать о них в одном сочинении из-за грандиозности самого предприятия. Поэтому, поскольку даты отдельных событий и сами события разбросаны во многих сочинениях и у различных авторов, существует трудность для их усвоения и запоминания. Итак, изучив состав каждого из этих сочинений, мы решили написать исторический труд, способный доставить читателям наибольшую пользу и наименьшее неудобство. Ведь если бы кто-нибудь пожелал записать сохраняемые в памяти события всего мира, как бы одного государства, начиная с древнейших времен и по возможности вплоть до его времени, он, конечно, предпринял бы огромный труд, но при этом составил бы наиболее полезнейшее из всех сочинение для любителей чтения. Из этой истории каждый сможет получить в готовом виде то, что полезно для его собственных целей, как бы черпаемое из большого источника. Ведь для тех, кто стремится прочитать труды стольких историков, во-первых, нелегко раздобыть необходимые книги, во-вторых, из-за многообразия и множества сочинений оказывается совершенно трудным восприятие и понимание совершившихся событий, поэтому сочинение, которое в одном очерке рассматривает весь ход событий, доставляет готовое чтение и делает совершенно легким усвоение материала. Вообще можно утверждать, что сочинение такого рода настолько превосходит все другие, насколько более полезным являются целое, чем часть, непрерывность, нежели прерывность, и насколько событие, точно датированное во времени, есть более полезно, чем то, которое неизвестно, когда произошло.

Глава IV

1. Поэтому мы, понимая, что такое предприятие является полезным, но требует для своего осуществления много труда и времени, потратили для составления этого сочинения 30 лет и с многими трудностями и опасностями посетили большую часть

⁴ Из тех историков, которые составляли универсальные истории, Диодор, возможно, имеет в виду Геродота, у которого отсутствовала хронологическая система, Анаксимена из Лампсака, который в своей «Hellenica», как на это указывает название, писал только об эллинах, и Эфора из Кимы, который не принимал во внимание мифологический период. Эфор из-за своей кончины не завершил намеченный план. Его «История», как показывают фрагменты, обрывается событиями 340 г. до н. э.

⁵ В данном случае Диодор имеет в виду Гиеронима из Кардии, который написал «Историю диадохов» и «Историю эпигонов».

- районов Азии и Европы, с тем чтобы собственными глазами увидеть необходимые и наиболее важные места, потому что из-за незнания местностей многие ошибались — не только заурядные писатели, но и некоторые из тех, которые добились
- первенства благодаря своей славе. Побудительным мотивом для осуществления этого замысла для нас было стремление к занятию литературным трудом, благодаря которому то, что для всех кажется трудным, получает завершение, а кроме того, в Риме был достаточный запас материалов, имеющих отношение к предложенному сочинению. Ведь превосходство этого города, благодаря могуществу распространившееся до крайних границ обитаемого мира, доставило нам, проживающим в Риме в течение длительного времени, наиболее приготовленные и многочисленные средства. Мы, происходя из Агирия в Сицилии, вследствие контактов с римлянами, которые жили на острове, получили хорошее знание языка римлян ⁶, поэтому обо всех событиях, имевших отношение к их господству, мы располагали точными сведениями, почерпнутыми из документов, которые у них сохранялись в течение длительного времени. Изложение нашей истории мы начали с мифов, получивших распространение среди эллинов и варваров, исследуя засвидетельствованные у тех и других с древних времен факты настолько, насколько это оказалось для нас возможным. Теперь, когда сочинение закончено, пока книги еще не опубликованы, я хочу вкратце очертить схему всей работы. Наши первые шесть книг охватывают события и легенды до Троянской войны, из этих книг первые три излагают варварскую древность, следующие почти полностью посвящены древности эллинов; в следующих одиннадцати книгах мы описали всеобщую историю событий, которые совершились в течение времени от Троянской войны до смерти Александра; в следующих 23 книгах мы изложили все остальные события вплоть до начала войны, вспыхнувшей между римлянами и кельтами, во время которой Гай Юлий Цезарь, будучи командующим и обожествленный за свои деяния, подчинил большую часть наиболее воинственных кельтских народов и распространил господство Рима вплоть до Британских островов. Первые события этой войны закончились первым годом 180-й олимпиады в архонтство в Афинах Герода.

Глава V

- Что касается общей хронологии, принятой в этом сочинении, то мы не старались точно зафиксировать события перед Троянской войной, потому что в отношении их не располагали никакой достоверной хронологической таблицей, а с Троянской войны в соответствии с Аполлодором из Афин ⁷ мы определяем 80 лет до возвращения Гераклидов, а от этого возвращения до первой олимпиады прошло 328 лет, определяя время по лакедемонским царям, а от первой олимпиады до начала Кельтской войны, которой мы заканчиваем нашу историю, — 730 лет; так что все наше сочинение, состоящее из 40 книг, охватывает период, равный 1138 годам, исключая то время, в течение которого имели место события перед Троянской войной. Итак, мы точно определили план, желая дать представление читателям обо всем замысле и в то же время удержать тех, кто имеет обыкновение редактировать книги, от искажения чужих сочинений ⁸. И пусть то, что хорошо удалось во всей истории, не вызывает к нам зависти, а то, в чем имеет место заблуждение, пусть будет исправлено кем-либо из более способных. Рассказав о плане и цели нашего предприятия, мы попытаемся осуществить обещание создать подобную книгу.

⁶ Некоторые исследователи в своих гиперкритических замечаниях о Диодоре без достаточных оснований подвергали сомнению его знание латинского языка. См. *Oldfather C. H.* Introduction.— In: *Diodorus of Sicily with an English Transl.* V. I. L., 1946, p. XIII.

⁷ Аполлодор из Афин — философ и историк II в. до н. э. Его сочинение «Хроника» охватывало период 1184—119 гг. до н. э. «Хроника» Кастора с о-ва Родос (автор I в. до н. э.) доведена до 60 г. до н. э. Она включала также период перед Троянской войной.

⁸ Диодор замечает (XL, 8), что некоторые из его книг получили распространение прежде, чем была опубликована его работа в целом. Имели ли в них место искажения, допущенные при редактировании, на что указывает Диодор (I, 5, 2), — неизвестно.

Глава VI

1. Итак, относительно некоторых мыслей о богах, которые имели те, кто первым ввел поклонение божеству, и мифологических рассказов о каждом из бессмертных, о многом мы не будем говорить, особенно потому, что это потребует длительного рассуждения, однако то, что мы считаем подходящим для предложенных историй, мы представим в соответствующих главах, чтобы ничего из того, что достойно слуха, не было упущено. Что касается происхождения всех людей и событий, совершившихся в известных частях обитаемого мира, то, насколько это возможно по причине древности, мы изложим в точности, начиная с древнейших времен. О первоначальном происхождении людей есть два мнения у знаменитейших натурфилософов и историков. Одни из них, заявив, что мироздание не возникает и не уничтожается, считали, что род людей существует извечно и потому никогда и не было начала их происхождения. Другие, считая, что мироздание имеет начало и конец, говорили, что подобно этому и люди имели их первоначальное происхождение в определенное время.

Глава VII

1. Действительно, в начале мироздания земля и небо имели один и тот же вид, так как их природа была перемешана; затем, когда они отделились друг от друга, мир получил все видимое в нем устройство, воздух же оказался в постоянном движении, и огневидная часть его устремилась в высшие сферы, так как все, имеющее такую природу, поднимается вверх из-за легковесности; поэтому солнце и остальное множество звезд оказались вовлеченными в общий круговорот; напротив, все то, что было илистым, грязеподобным вместе с примесью влаги, по причине тяжести осталось пребывать в том же самом месте. И так как все это постоянно вращалось вокруг себя и уплотнялось, то из влаги возникло море, из более твердых элементов возникла суша, которая была глинистой и совершенно мягкой. Как только она приняла солнечный жар, сначала стала плотной, а затем вследствие внутренней теплоты поверхность земли оказалась в состоянии брожения, и она во многих местах набухла от влаги, и возникали гниения, защищенные тонкими пленками; это можно видеть еще и теперь в болотистых и низменных местах, когда после охлаждения земли воздух внезапно без каких-либо постепенных изменений становится очень жарким. Так как влажности рождали жизнь с помощью тепла указанным способом, то ночью живые существа получали пищу из выпадающего из атмосферы тумана, а днем становились твердыми вследствие сильной жары. Наконец, когда зародыши получали окончательное созревание и так как пленки тщательно нагревались и разрывались, повсюду появлялись различные формы живых организмов. Из них те, которые приняли большую часть тепла, устремились в высоту и стали пернатыми; те, которые сохранили земную природу, были отнесены к разряду пресмыкающихся и других земных животных, а те, которые получили природу влажной среды, собрались в подходящем для них месте и получили название водоплавающих. По мере того как земля все более становилась твердой по причине солнечного жара и ветров, то в конце концов уже не могла порождать ничего более значительного, но посредством сокоупления друг с другом рождался каждый род живых созданий. И, очевидно, также Эврипид, который был учеником натурфилософа Анаксагора, не противоречит тому, что сказано нами о природе мироздания, потому что в «Меланиппе» он пишет следующее:

«Как небо, так и земля были одного вида. Когда же они оказались отделены друг от друга, то стали рождать и производить на свет все живые создания: деревья, птиц, животных, тех, которых питает море, и род смертных людей».

Глава VIII

1. Относительно первоначального возникновения всего мироздания мы получили такое мнение, что же касается самых первых людей, то, как говорят, они, вступив в жизнь беспорядочную и подобную животным, в одиночку выходили на наст-

- бища и употребляли в пищу пригодную растительность и плоды дикорастущих деревьев. Затем, подвергаясь нападению со стороны диких зверей, они, руководствуясь соображениями пользы, прибегали к помощи друг друга, а собираясь вместе по причине страха, они понемногу узнавали взаимные особенности. И хотя звуки, которые они произносили, были сначала непонятными и нечленораздельными, постепенно из этого у них появилась членораздельная речь, и, придя к общему согласию относительно знаков для каждой из имеющихся вещей, они ввели понятное для них самих выражение мыслей относительно всего. Поскольку такие образования возникали во всех частях обитаемого мира, то не все люди имели один и тот же язык, так как каждая группа людей формировала свой язык случайно, и, таким образом, первые возникшие группы людей положили начало всем народам. Итак, первые люди, поскольку ничего полезного для жизни не открыли, вели жалкое существование, будучи лишены одежды, не имея представления о домах и огне, совершенно не зная пищи. Ведь сбора урожая дикорастущих плодов и растений они не знали, не делали никакой заготовки плодов на случай нужды; поэтому многие из них погибли зимой из-за холода и отсутствия пропитания. Постепенно, однако, наученные опытом, в зимние месяцы они стали искать убежища и заготавливать такие плоды, которые можно сохранить. Когда они познакомились с огнем и всем другим, что полезно для жизни, постепенно они изобрели искусства и все прочее, способное принести пользу общей жизни людей. Вообще говоря, во всех делах сама польза стала учителем для людей, доставляя знание по каждому вопросу живому созданию, обильно одаренному природой и имеющему в качестве помощников на все случаи жизни руки, язык и провидительность ума. Итак, что касается происхождения людей и древнейшей их жизни, то мы удовлетворимся сказанным, так как нам следует сохранять пропорцию в нашем изложении.

ON THE INTRODUCTION TO THE «HISTORICAL LIBRARY» OF DIODORUS SICULUS

V. M. Strogetsky

The author studies the Introduction and the place of its fundamental postulates in the system of Greek and Roman historico-philosophical ideas. Analysis of the Introduction shows Diodorus's work to be a model of Hellenistic composition, reflecting-universal-historical views and also Late Hellenistic notions about the origin of the world, human society, culture and the gods. The Introduction justifies the conclusion that Diodorus was a compiler of world history in the tradition of Ephorus, Polybius and Posidonius. The originality of his conception was that it was not confined to the Graeco-Roman world but was ecumenical in character. Moreover Diodorus was the first to attempt a periodization of universal history from the emergence of the world to the middle of the 1st century B. C. Though he was influenced by Stoic and Epicurean views. Diodorus was not a philosopher and he made no attempt to draw sufficiently consistent conclusions about this or that philosophical school. In condensed form he conveys to his readers the most popular notions of his time about cosmogony, zoogony and anthropogeny, as well as the origins of human society and culture.
